

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Гарольд Дж. Берман

МИРОВОЕ ПРАВО: ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ СВЯТОГО ДУХА

От редакции. Статья «Мировое право: экуменическая юриспруденция Святого Духа» переведена на русский язык и публикуется впервые.

В ней содержатся основные положения лекции, прочитанной всемирно известным американским учёным-правоведом, почётным профессором правовой школы Гарвардского университета Гарольдом Джозефом Берманом 23 сентября 2004 года в Культурном центре Иоанна Павла II в Вашингтоне Округе Колумбия (США).

Перевод настоящей статьи полностью согласован с автором во время посещения им г. Москвы с 5 по 11 декабря 2004 года. Профессор Г. Дж. Берман является одним из отцов-основателей интегративной и экуменической юриспруденции, которая разрабатывается с середины прошлого столетия. Он более сорока лет преподавал правовые науки в Гарвардском университете и ныне продолжает свою научно-педагогическую деятельность в правовой школе университета Эмори в г. Атланта американского штата Джорджия. О других биографических данных живого классика фундаментальной науки права, выдающегося учёного современности читатель может узнать в первом номере журнала «Представительная власть — XXI век» за 2003 год, в котором отмечался 85-й год его рождения.

Перевод осуществил — кандидат юридических наук, корреспондент журнала «Представительная власть — XXI век» — Осипян Б.А.

Я предлагаю для представления четыре части темы моей лекции в обратном порядке, говоря прежде всего о Святом Духе, затем об основных конкурирующих между собой правовых школах и о необходимости их интеграции, далее об экуменическом, более того, универсальном характере такой интегративной юриспруденции и, наконец, о призыве Святого Духа создать универсальную интегративную юриспруденцию, которую мы уже начали создавать вместе с системой мирового права.

Но прежде позвольте мне сделать признание относительно моей веры. Я полагаю, что человеку, говорящему на подобные темы уместно и, возможно, должно раскрыть свои религиозные верования. Если я собираюсь говорить о Святом Духе, то вы имеете право в конце концов знать, верю ли я в Святого Духа или нет, и, если да, то почему я верю в Него и кто Он есть в моём понимании. Итак, позвольте вкратце указать на источник моей религиозной веры.

Я еврей по рождению и воспитанию, и я истинно благодарен моему еврейскому наследию. В возрасте 21 года, в момент великого отчаяния, у меня было мощное видение Иисуса Христа и я стал и ныне остаюсь Его последователем, христианином. Вначале, когда я стал христианином, я никогда не исповедовался в христианской церкви и не знал, к какой христианской церкви мне обратиться. Каждая ветвь

христианства представлялась мне имеющей определённую меру истины. Впоследствии я, короче говоря, стал членом епископальной церкви, которая по крайней мере является, как говорится, всеобъемлющей. Но я до сих пор с болью воспринимаю факт разделения христианства на взаимно конфликтующие деноминации, равно как и отделение христианской веры от других вероисповеданий, которые разделяют одни и те же ценности, и этот факт, несомненно, помогает объяснить, почему я делаю ударение на экуменическом характере веры в святость духовных ценностей, которым придерживаются не только христиане, но и многие из тех людей, которые таковыми не являются.

I. Вначале позвольте мне говорить о Святом Духе, которого я бы назвал Богом Истории. В течение 65 лет моего посещения церковных служб, в основном, но ни в коем случае не только епископальной церкви, я не слышал ни одной проповеди о роли, которую Бог играл и сейчас играет в истории человечества. В понятии «история» я подразумеваю обычное значение этого слова: историю Европы и Америки на протяжении столетий, историю церкви, мировую историю XIX и XX веков. Также и в теологической литературе, о которой, признаться, у меня ограниченные знания, я нашёл всего лишь разрозненные ссылки на роль Бога в такой истории. Мы часто слышим, что Бог имел какой-то план для Своего народа в историческом периоде от Авраама, Моисея до Иисуса, и снова в обращении римского императора Константина, но мы почти ничего не слышим о плане Бога в течение более чем двух тысяч лет, начиная с раннего христианства и до наших дней, не говоря уже о времени вплоть до второго пришествия Христа.

Возьмём простой пример: разве для верующих христиан не является делом Божественного Провидения, что спустя две тысячи лет после того, как Иисус послал Своих учеников в мир проповедовать Евангелие, появились более двух миллиардов людей, почти одна треть всего населения земного шара, кто исповедует христианство? И не является ли делом Божественного Провидения то, что с возникновения заселённой людьми Планеты люди из различных территорий постепенно, на протяжении тысячелетий, вступили в связи друг с другом, и что, наконец, в XX и XXI веках христианской эры все народы, все культуры и цивилизации всего мира, христианские и не христианские, впервые в истории были приведены в продолжительные взаимосвязи друг с другом?

Основная причина недостаточности как проповедей, так и научных трудов о действии Божественного Провидения в истории, по-моему, состоит в том, что обычные теологи не замечают Святого Духа, который в библейской истории говорил через пророков и в Пятидесятницу привёл к общему пониманию людей, говорящих на разных языках. Представляется, что Святой Дух есть то лицо триединого Бога, которое учит нас, вдохновляет нас на осуществление нашего предназначения как чад Божьих, в триедином образе Которого мы созданы.

Святой Августин учил, что Бог Отец, создавая нас по Своему образу и подобию, посеял в нашей душе волю, т.е. способность намереваться и желать, включая волю создавать новую жизнь и устанавливать справедливые законы; и что образ Сына Бога, нашего Брата и Искупителя, вложен в нас в форме разума, ума, сознания и совести, в том числе и знания того, что мы живём не только для себя, но и для других; и что образ Святого Духа, нашего Учителя и Пророка, вложен в нашу душу как память, как чувство времени прошлого и будущего, которое позволяет нам формировать длительные взаимоотношения в обществе. В действительности, именно это чувство времени и эти длящиеся социальные взаимоотношения преодолевают напряжение между нашей отцовской волей и нашим братским разумом.

Я узнал от великого, но не признанного христианского историка и философа двадцатого века Ойген Розеншток-Хюсси, что Бог действует в нашей коллективной истории через столетия от поколения к поколению, и ещё более конкретнее, что три лица Троицыного представлены различным образом в трёх тысячелетиях христианской эры. В первом тысячелетии христианские миссионеры учили европейские народы отказаться от их многобожия и перестали преклоняться перед своими племенными вождями и королями в пользу одного истинного Бога-Создателя, Отца восходящего Христа. Их общая вера в единого Бога послужила необходимым основанием для племенных народов Запада, чтобы впоследствии собраться воедино видимой иерархичной Римско-Католической церкви под предводительством папства.

Во втором тысячелетии христианской эры ударение ставилось на втором лице Троицыного сначала в Римско-Католической церкви, а позже в лютеранской и кальвинистской церквях, которые взяли на себя миссию преобразования мира; наконец, христианские правители послали во все континенты мира военных, торговцев и миссионеров для завоевания, эксплуатации и обращения различных народов во имя Иисуса — воплощённого Сына, Иисуса-Спасителя.

Историческим вызовом третьего тысячелетия христианской эры, как писал Розеншток-Хюсси, является создание единого сообщества из многих народов мира; и в поисках завершения этой задачи ударение христианской веры должно быть сделано на третьем лице Троицыного Бога, на Святом Духе, Который проповедует единство и в различных формах вдохновляет людей различных религиозных систем и преданности слушать друг друга, изучать языки друг друга и преодолевать взаимную вражду.

По словам Розенштока-Хюсси, «история спасения на земле является авансом единства против множества. Спасение пришло в мир многих богов, многих земель и многих народов. Над всем этим стоит единое: один Бог, один мир, одно человечество».

Несомненно, это провиденциально, что начиная с более древних цивилизаций всё человечество постепенно через столетия было приведено в состояние ежесекундного (почти мгновенно) экономического и политического взаимодействия. То, что говорил Св. апостол Павел жителям Афин в деле веры, — «от одной крови Бог произвёл весь род человеческий для обитания по всему лицу земли...» (Деяния, 17:26) — нынче стало очевидным фактом. А теперь Бог — Святой Дух, будучи активным в различных

системах верований, бросает нам вызов преобразовать наше общее человечество из материальной также и в духовную реальность. Это великий вызов третьего тысячелетия христианской эры: из многих народов мира воспроизвести единое человечество, мировое сообщество. При осуществлении этой цели акцент христианской веры должен быть сделан на третьем лице Троицыного Бога, на Святом Духе, Который вдохновляет людей различных языков, культур, систем верований и преданности слушать друг друга, изучать языки друг друга, исследовать, что они имеют общего и объединиться для преодоления тех сил, которые разделяют их. Именно Святой Дух, Который взывает нас преобразовать мировую экономику и возникающее мировое общество в мировую общину.

II. Обращая внимание на вторую часть моей темы — юриспруденцию, можно заметить, что не может быть мировой общины без системы мирового права для поддержания порядка и справедливости между её различными составными частями. В этой связи важно признать то, что во всех культурах мира содержится, так называемый антропологами, «форум справедливости» с соответствующими процедурами для правомерного разрешения конфликтов. Тем не менее понятия «правомерность» и «право» являются вопросом, который требует своего дальнейшего обсуждения.

Сегодня на Западе имеются две соперничающие друг с другом правовые школы: с одной стороны, позитивистская, которая ныне преобладает, полагает, что право в своей сущности представляет собой систему изданных законодателями правил для претворения их воли, их политики и применения принудительных санкций, установленных официальными властями; а с другой стороны — вопреки позитивистам, находящиеся в арьергардной борьбе с ними приверженцы так называемого естественного права, права разума, присущего человеческой природе, отстаивают позицию о том, что сущность права состоит не в его политическом измерении, но в его нравственном измерении, и что правила, установленные политической властью, не являются правом, если они нарушают основы справедливости.

Находясь почти в полном пренебрежении со стороны правовых философов Америки и Европы, третья правовая школа, которая доминировала в конце девятнадцатого и в начале двадцатого веков, называлась исторической школой права, сторонники которой полагали, что как политическое измерение права, выражающее волю законодателей, так и нравственное измерение права, проистекают из врождённого разума и совести, зависят от исторических традиций того общества, чьим правом оно является, от общественной памяти о прошлом и от ожиданий в будущем. В англо-американском праве историческая школа права главным образом отражается в доктрине прецедента; судьи при разрешении дел для руководства обращаются к предыдущим решениям подобных дел и в то же время осознают факт того, что их решения станут руководящими для судей — прецедентов — в разрешении будущих дел. В странах Запада, которые не приняли доктрину прецедента, труды ведущих учёных содержат в себе временное измерение права, его традиции прошлого и его движение в будущем.

В прошлые два с половиной столетия, вместе с утратой христианской веры со стороны политологов и правоведов, все эти три школы права отделились друг от друга на

Во втором тысячелетии христианской эры ударение ставилось на втором лице Троицыного сначала в Римско-Католической церкви, а позже в лютеранской и кальвинистской церквях, которые взяли на себя миссию преобразования мира.

позитивистскую, которая делала акцент на понятии «порядок», политическом измерении права, на воле, или, как говорил Св.Августин, *voluntas*, или *velle*; на школу естественного права, которая делала акцент на понятии справедливость, на нравственном измерении права, называемом Св.Августинум разумом, знанием *intelligentia*, или *polle*, и на историческую школу, которая акцентировала на понятии традиция, преемственность, называемые Св. Августинум памятью *memoria*, или *esse*, которые он определил как чувство времени прошлого, настоящего и будущего.

До восемнадцатого века, в учении западного христианства до века, так называемого, Просвещения, почти повсюду предполагалось, что триединый Бог является как абсолютным источником всякого порядка, справедливости, так и человеческой судьбы. Таким образом, стало возможным объединение в теологических понятиях политического, нравственного и исторического измерений права. До эпохи Просвещения такие правоведы, как Фома Аквинский, Гуго Гроций и Джон Локк, которые, несмотря на свои различия, обычно расценивались как приверженцы естественного права, также принимали основные части позитивистской концепции права как системы правил установленных законодательной властью, а историческую концепцию права как выражение развивающихся обычаев и верований каждого конкретного общества. Такие отъявленные позитивисты до-просвещенческого века, как Томас Гоббс, даже в случаях крайней опасности восстания или вторжения, которые угрожали Англии его времени, отстаивали то мнение о том, что выживание страны зависит от абсолютной власти монарха и что эта власть основана отчасти на естественной справедливости, на общественном договоре и согласии.

Римско-католическая и протестантская юриспруденция, конечно же, отличались друг от друга в основных чертах, ибо первая более склонялась к естественному праву и разуму, лютеранская более воспринимала позитивизм и волю государства, и кальвинистская более признавала нормативный характер исторической традиции; однако все три постулировали то, что Бог назначил земных правителей и наделил их властью издавать и применять законы, что Бог внедрил в головы и сердца людей разум и совесть, что западная правовая традиция представляет собой провиденциальное осуществление Божественного плана. Разногласия между политическими, нравственными и историческими измерениями права были признаны, но они были окончательно разрешены посредством нахождения их единого источника в триедином Боге, Который является всемогущим Законодателем, справедливым и милостивым Судьёй и вдохновителем исторического прогресса, атрибутами которого в человеческой психике, по словам Св. Августина, являются соответственно воля, разум и память.

В дискуссиях между правовыми позитивистами и натуралистами предыдущих двух-трёх поколений отсутствовало признание нормативного значения исторического измерения права. В истории, с течением времени то, что нравственно является правильным при определённых обстоятельствах, может оказаться неправильным при других обстоятельствах; подобным же образом, что политически хорошо при определённых обстоятельствах, может быть политически плохим при других обстоя-

ствам. Тем не менее, противоречие между нравственностью и политикой права, между тем, что философами именуется «правильным» и «добром», нередко может быть разрешено в контексте исторических обстоятельств; история, как запомнившийся опыт общества может позволить или даже заставить совмещать нравственность и политику. В действительности это является основной характеристикой права, которая может быть определена как равновесие между справедливостью и порядком, между разумом и волей в свете исторического опыта и памяти.

Историческая школа права, которая отчётливо выделялась в процессе развития правовой традиции Запада начиная с двенадцатого века и которая сыграла важнейшую роль в развитии общего права Англии в семнадцатом и восемнадцатом веках, возникла как отдельная школа правовой философии только в девятнадцатом веке в контексте дискуссий между правовыми позитивистами и натуралистами. На самом деле в конце девятнадцатого и в первых декадах двадцатого века историческая юриспруденция стала доминирующей школой правовой теории как в Европе, так и в США, как среди учёных правоведов, так и среди судов. Только в двадцатом веке она подверглась критике из-за её возвышения исторических традиций народа в качестве самого главного источника права и ещё из-за принижения ею нормативной роли законодательства в развитии права. В США её критиковали главным образом по той причине, что она допускала, что при решении конкретных дел судьи не «творили» право, но «находили» право в прецедентах прошлого или в обычном праве, или в иных исторических источниках. Конечно же, всегда признавалось, что судьи играют творческую роль в приспособлении прошлых прецедентов к текущим и будущим условиям; тем не менее историческая школа обращала внимание на органический рост права, пока в двадцатом веке ударение перемещалось главным образом на необходимость нововведений. В свою очередь это было связано с «волевой» теорией права о том, что судьи, подобно законодателям и правоисполнителям, решают дела не только в соответствии с тем, чем право являлось или является, но в соответствии с тем, что в соответствии с их волей право должно было быть, что они считали разумной политикой.

Сегодня историческая школа права почти исчезла из академических курсов преподавания. Подчас о ней говорят как о пережитке прошлого века. Иногда её упоминают как пример беззащитного «традиционализма». В действительности не так давно ведущий американский правовой компаративист и историк в процессе изучения позитивистских и естественно-правовых обоснований действительности обычного права отчетливо заявил, что он не рассматривал бы данный вопрос с точки зрения исторической юриспруденции, которая, как он писал, «сегодня является повсюду отвергнутой».

Если в США историческая юриспруденция предполагается мёртвой, то это отчасти потому, что она карикатурно была обречена на смерть её противниками. Её лучшие представители выдвигали не понятие историзма, но историчности, не традиционализма, а традиционности. Историзм представляет собой возвращение к прошлому; историчность, которую Св. Августин назвал «памятью», или, как психологи памяти сегодня называют «временно

До восемнадцатого века, в учении западного христианства до века, так называемого, Просвещения, почти повсюду предполагалось, что триединый Бог является как абсолютным источником всякого порядка, справедливости, так и человеческой судьбы.

расширяющееся «Я», имеет в виду взаимодействие прошлого и будущего в человеческой психике и в развитии культуры общества, в том числе и правовой культуры. По словам выдающегося современного церковного историка Ярослава Пеликана, «традиция является живой верой мёртвых; традиционализм же является мёртвой верой живущих». Быстрое изменение, даже революционное изменение, представлялось частью эволюции правовой традиции Запада. С другой стороны, историческая юриспруденция не является, как предполагают некоторые учёные, всего лишь социологическим установлением; в руках некоторых социологов она становится частью социологии права, в учении о влиянии социально-экономических и идеологических факторов на правовое развитие общества в определённое время. И всё же, как правовая теория, она выделяет веру в органическое развитие, но не просто веру в то, что такое развитие имеет место. Она смотрит на прошлое наследие права как важный источник его самосознания в настоящем и будущем.

Если считать само собой разумеющимся в правовой теории то, что история, традиция, групповая память выстраиваются в один ряд с политикой и нравственностью, с волей и разумом, как единое основание права, тогда мы должны сделать следующий шаг и спросить о том, что наша история говорит о нашем праве, не только что надлежит нам думать о нашем праве, но также что нам надлежит сделать с нашим правом. Здесь мы должны обратиться к прошлому и далее к будущему, спрашивая не только то, что уже произошло в прошлом и что прошлое подсказывает нам о возможных событиях в будущем, но также что в прошлом нас связывает, что нынче требует от нас наша традиция.

III. В третьей части моей темы, а именно, той, которая касается универсального характера юриспруденции, которая интегрирует позитивистскую, естественно-правовую и историческую теории права, я имею в виду не только экуменическую христианскую юриспруденцию, которая интегрирует римско-католическую, лютеранскую и кальвинистскую концепции права, но также и межрелигиозную юриспруденцию, воспринимается иудаизмом, исламом и другими нехристианскими религиями, которые признают богоданный характер таких человеческих свойств, как воля, разум и память; а теперь я бы ещё добавил, что это юриспруденция, которая воспринимается также теми светскими системами верований, теми светскими религиями, как иногда их называют, которые признают приоритет духовных ценностей над материальными ценностями. Я думаю, что Святой Дух присутствует в этих светских системах верований и что Святой Дух взывает к ним, как Он взывает и ко всем нам, выдвигать юриспруденцию, которая соединяет политическую цель права — поддержания порядка, с нравственной целью права — установления справедливости, и исторической целью права — сохранения общества в процессе преобразования социальных институтов порядка и справедливости.

Здесь я нахожу поддержку со стороны теологических движений внутри Римско-католической церкви со времён Второго Ватиканского Совета, движений, которые подтверждают деятельность Святого Духа даже в тех обществах, которые не исповедуют римско-католическую или иную христианскую веру. Второй Ватиканский Совет подчёркивал, что Святой Дух говорит и воспринимается

не только верующими христианами, но и лицами других верований; Иоанн Павел II также обратил внимание на то, что Святой Дух в разной мере присутствует и действует не только в христианских, но и в нехристианских религиозных традициях; видные римско-католические богословы подчёркивали, что сами такие традиции могут играть положительную роль в Божественном плане для всего человечества. Как писал иезуитский богослов Жак Дюпи, «в недавнем прошлом учение римско-католической церкви настаивало на универсальности активного присутствия Святого Духа». «Присутствие и действие Святого Духа, — писал он, — влияет не только на отдельных людей, но и на всё общество и его историю, на народы, культуру и религии».

IV. Это ведёт меня к последней части моего представления и к первым словам его названия: «Мировое право». Позвольте мне повторить, что впервые в истории человеческого рода все народы и культуры мира находятся в состоянии продолжающихся взаимоотношений. Более всего это стало очевидным в экономической сфере. Национальные коммерческие предприятия и другие виды экономических субъектов, которые сообщаются по поводу осуществления общих дел и которые устанавливают общие нормы и институты для взаимного общения, составляют важнейший элемент мирового гражданского общества. Другие составные части мирового гражданского общества включают в себя многочисленные религиозные ассоциации, средства массовой информации, образовательные и исследовательские организации, профессиональные общества, спортивные объединения и огромное количество иных добровольных ассоциаций, которые, по словам одного выдающегося учёного, «состоят из индивидуумов и групп независимо от их гражданской принадлежности к той или иной стране или ином владычестве семьи народов».

Возникающее мировое сообщество создаёт транснациональные правовые институты. Мировая экономика поддерживается развивающейся системой транснационального торгового, инвестиционного и финансового права. Общемировые средства связи также связаны с системой транснационального правового регулирования. Множество транснациональных организаций и ассоциаций, образованных для осуществления бесчисленного множества различных целей, представляют правовые меры для сокращения мирового беспорядка и преодоления мировой несправедливости, для предотвращения разрушения и загрязнения окружающей среды и атмосферы планеты, предотвращения распространения мировых болезней, ликвидации презренной нищеты более миллиарда людей мира, которые живут на доходы, составляющие менее одного доллара в день, принятия мер против нарушений всеобщих прав человека, противостояния общемировому терроризму, разрешения этнических и религиозных конфликтов, которые угрожают миру во всём мире. Люди со всех концов мира объединяются для разработки и развития общемировой правовой защиты от глобальных бедствий посредством развития официальных и неофициальных правовых институтов. Они объединяются для того, чтобы способствовать путешествию по миру, мировому спорту, отдыху и другим благим делам, которые оказывают влияние на всех людей и требуют транснационального справедливого и упорядоченного регулирования.

Сегодня историческая школа права почти исчезла из академических курсов преподавания. Подчас о ней говорят как о пережитке прошлого века. Иногда её упоминают как пример беззащитного «традиционализма».

Развивающаяся система мирового права включает в себя не только международное публичное право, т.е. право, созданное национальными государствами в процессе их взаимоотношений, в том числе и право, регулирующее деятельность ООН и его вспомогательных межгосударственных организаций, но также и громадную систему норм договорного и обычного права, которые регулируют отношения между физическими и юридическими лицами, вовлечёнными в добровольную деятельность вне национальных границ. Мировое право является новым названием того, что мы когда-то называли правом народов (*jus gentium*), общим правом человечества, охватывающим общие черты различных правовых систем различных народов мира.

Возникающее мировое общество и сопровождающая его система мирового права, конечно же, находятся под угрозой экстремистов различных мировых культур. Однако «столкновение цивилизаций», по выражению Самюэля Хантингтона, происходит на фоне межкультурного общения и взаимодействия. Даже антиглобалисты образуют глобальную мировую сеть. Даже террористы являются частью транснационального заговора.

Интегративная юриспруденция, которая признаёт меру истины каждой из трёх главных правовых школ и которая старается объединить их, призвана признать, толковать и поддержать развивающуюся систему мирового права.

Такая юриспруденция основана на позитивистской теории посредством анализа более 20.000 международных договоров и соглашений, которые зарегистрированы ООН. Они составляют не только законодательство отдельных государств, которые ратифицировали их, но и законодательство международной конфедерации государств, т.е. законодательство в позитивистском смысле этого слова, несмотря на отсутствие международного государства. Позитивистская юриспруденция также не имеет трудностей для признания законотворческой роли нескольких тысяч межгосударственных организаций, которые несут ответственность за применение этих договоров и соглашений. Более того, позитивистская юриспруденция не только признала действительность той системы права, которая проистекает из договорных отношений независимых суверенных государств, но также предоставила важные технические средства разработки, толкования и применения такого права.

Естественно-правовая теория, которая когда-то доминировала в анализе международного публичного права,

также продолжает играть значительную роль в его разработке и применении. Международное публичное право представляется как инструмент универсальных нравственных ценностей, прав человека и справедливости. Это нигде так не очевидно, как в международных соглашениях, которые устанавливают меры против рабства, военных преступлений, так называемых преступлений против человечества, геноцида, апартеида, пыток. Кроме того, в так называемой частной сфере международных отношений естественно-правовая теория поддерживает

разработку и применение норм справедливости отдельными лицами, предприятиями и добровольными объединениями, вовлечёнными в транснациональную деятельность. Это то, что Иисус назвал «весомыми делами закона». Вспомните, как Он упрекал книжников и фарисеев, говоря им следующее: «Горе вам законники, книжники и фарисеи, лицемеры, что даёте десятину с мяты и тмина, и оставляете важнейшее в законе: суд, милость и благовую веру; сие надлежало делать, и того, — как Он добавил, — не оставлять». (Матф., 23:23-24). Иисус уважал позитивистско-правовую озабоченность и законодательно-технические меры поддержания порядка, при условии, что это сочетается с заботой правовых натуралистов об осуществлении справедливости!

Более того, как политический аспект мирового права, рассматриваемый с позитивистских перспектив, так и нравственные аспекты мирового права, рассматриваемые с позиций естественного

права, должны быть рассмотрены также с исторических перспектив объединения народов мира в двадцатом и двадцать первом веках в продолжающихся взаимоотношениях.

В заключении я возвращаюсь к тому, с чего начинал: Святой Дух есть Бог Истории, Бог прошлого и будущего, Бог, воспитывающий и вдохновляющий нас совместить наше родительское и братское наследие, нашу волю и понимание с пророческим вызовом времён, в которых мы живём, с сегодняшним вызовом нового тысячелетия, вызовом исполнить нашу миссию создания универсального общества. И Святой Дух присутствует в процессе создания общих правовых институтов среди множества культур мира, ведя все расы людей, как сказано в пророческих словах Св. апостола Павла, к сожителству на лице земли.

*Статья переведена на русский язык
10 декабря 2004 года, г. Москва*

Возникающее мировое общество и сопровождающая его система мирового права, конечно же, находятся под угрозой экстремистов различных мировых культур. Однако «столкновение цивилизаций», по выражению Самюэля Хантингтона, происходит на фоне межкультурного общения и взаимодействия. Даже антиглобалисты образуют глобальную мировую сеть. Даже террористы являются частью транснационального заговора.